

АННА ЕФИМЕНКО

Архитектор

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН



Анна Ефименко
Архитектор.
Исторический роман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39825000
ISBN 9785449601186*

Аннотация

Жизнеописание архитектора Ансельма из Грабена наполнено событиями и образами на фоне затейливого средневекового города. Что движет главным героем? Пренебрежение жизнью в горизонтали истории ради постройки своей Вертикали Духа. Пытаясь превратить свое тело в безжизненный камень, герой не обращает ли в камень свою душу? Роман, как песня западноевропейского менестреля, ввергает в круговорот ярких сцен. Даже если вы ничего не знаете об этой эпохе, теперь она откроет вам свои грани.

Содержание

Глава 1. Сорняк	5
Глава 2. Шартр	14
Глава 3. Gula1	28
Глава 4. Хорхе	37
Глава 5. Хлеб	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Архитектор Исторический роман

Анна Ефименко

© Анна Ефименко, 2018

ISBN 978-5-4496-0118-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Сорняк

«Господь Бог есть великий архитектор вселенной, перво-причина всего, как говорил Фома Аквинский!» – частенько любил повторять наш аббат.

Я не знаю, кто и сколько заплатил Хорхе за мое вечное послушание, но во всей братии не было настоятелю более близкого человека, чем я, и не было во всей братии никого, чей постриг откладывался бы так же долго. Незаконнорожденный графов сынок, я готовился к жизни в миру, однако, дабы не мелькать перед глазами особо навязчиво, был отправлен в бенедиктинский монастырь, сохраняя лицо, но не титул, не стяжая богатств, но и не отягощаясь вечными обетами. Неподалеку в Грабене уныло и обособленно высился замок моего гипотетического родителя, и Хорхе, усадив меня к себе на плечи, частенько указывал старой пятнистой рукой на его красоты: на башни укрепленных внутренних дворов, на перекинутые через ров подъемные мосты, на надвратные сооружения, на донжон – грандиозную цитадель, взывая к мнимой родовой гордости (не обольщайтесь, в конце книги мне не достанется никаких наследств и сокровищ). Хорхе не был виноват в моей ублюдошной крови, наоборот, он всячески пестовал таланты своего воспитанника, делая упор на каллиграфию, перевод и иную работу с рукописями в скриптории.

Темной ночью на исходе лета посыльный из Грабена привез меня в монастырь на горе и вручил («в мешке, словно пленного турчонка», как пересказывал потом Хорхе) в руки аббата вместе с полным золота кошельком. С тех пор мой день рождения определили на август, «на последний львиный рык», согласно астрологическим меткам молодого светловолосого приора Эдварда, питавшего болезненную склонность к околوماгическим учениям. Где-то там же, в последние летние деньки, меня окрестили Ансельмом да стали обучать чтению на Священном Писании, и, пока других мальчиков гоняли помогать келарю в кухнях, Хорхе брал меня с собой в Черные сады.

Эдем, возделываемый настоятелем, был отгорожен стеной чернильного винограда от прочих аббатских угодий на западной стороне; здесь росло колечками-змеяками будущее вино наших евхаристий и повседневных трапез.

Вот я лежу на земле и глазею в мутное голубое эмалевое небо, пока Хорхе вяжет лозу, а вокруг повсюду цветут лилейные кусты. В тени черемухи можно следить за каждым движением настоятеля, я забираюсь туда, в потайное убежище белоцветных ветвей, не шелохнувшись, и жду, пока угловатая тень не позовет «Ансельмо!» на испанский лад, тут-то и выпрыгну прямо на Хорхе. Мы строим маленькие мельнички, вращающиеся от ветра, играем в «раз-два-три, побежали-ка с горы» и в коварные виноградные завитки. Я наблюдаю за муравьями и белками, листьями и облаками. По-

сле того, как лето переживет свой срединный огненный чад, можно будет наслаждаться результатами трудов.

Что такое дом Отца Нашего? – спрашиваю я, распластавшись на опавших белых лепестках, тыкая пальцем наверх. Гляди! – Хорхе указывает мне на фазанов, парящих под лазурным куполом, складывая свои ладони наподобие птичьих крыльев, взлетающих, взмахивающих своим опереньем, отрывающихся от земли и устремляющихся туда – выше всех облаков, в дом Отца Нашего. Хорхе любит небо больше всего на свете.

Келарь Петр приберег глиняные горшочки для ягод и фруктовых плодов, я собираю урожай Хорхе, а Петр держит амбарный ключ, шершавый, металлически-прогретый за день; солнце готово рухнуть за равнины, за низины, за поля и луга, за их летние зеленые покрывала. Между повечерием и молитвой на сон грядущий я дремлю на крепком аббатском плече, бывает, он относит меня к себе в келью, и где-то на задворках восприятия само понятие домашнего уюта навек пропечатывается у меня высокосводным простором, холодным камнем и тишиной.

Покой – в холодном камне и тишине.

В ледяных покоях отца (не обольщайтесь, в конце книги он не окажется моим настоящим отцом) живет молчание, в узкое и вытянутое его окно смотрит небо – извечный контроль, у Хорхе есть кровать и сундук, на последнем стоит восковая свеча и сложены книги.

Пока весь мир коптит сальные свечи, мы освещаем церковь только восковыми, добытыми святыми пчелами, что могут нашептать молитву Богу прямо в ухо, в наших ульях. Большие плоские светильники со множеством рожков под потолком горят на славу – и яркость мне нравится. Она будет нравиться мне до тех пор, пока кто-то не фыркнет, что воск – предмет роскоши.

– А что такое роскошь? – спрошу я однажды.

– Роскошь? – нахмурит без того морщинистый лоб Хорхе, после чего, снова приобнимет меня и поведет на кухню. – Пусть брат Петр отдохнет немного, а я покажу тебе, что такое роскошь.

Отпустив келаря, аббат открывает по очереди сундуки с припасами, и заглядывает в хлебохранилище, и разводит в печи огонь, пока я зачарованно смотрю на это действие.

Хорхе готовит

Для роскошной трапезы понадобятся белый хлеб и лук-порей. Нарезая на тонкие кусочки белые части лука-порея, Хорхе убирает остатки для ежедневной похлебки. На медленном огне он кипятит лук-порей в оливковом масле и белом вине, добавляя немного соли. В то же самое время отец подсушивает на огне ломти хлеба. Когда те затвердеют, на них нужно вылить получившиеся мягкие кусочки лука в горячем белом вине. Остается подождать немного, пока

жидкость не впитается в хлеб, и приступать к приему пищи.

Вытягиваясь вверх, я без устали копаюсь во всех имеющихся в библиотеке рукописях, примеряя на себя различные роли из житий святых, из сочинений мудрецов древности. Настоятель, видя мою растущую книжную страсть, делает меня помощником смотрителя библиотеки, и хромой брат Павел вынужден зачислить в свою доселе пустую свиту меня, так и не принявшего постриг, что уже начинает порождать самые разные слухи.

Копировать тексты, а потом сшивать их в книги вдруг становится моей основной деятельностью. Параллельно нас обучали семи свободным искусствам, и тривиум из логики, риторики и грамматики неизбежно имел приоритет перед квадривиумом. Эту брешь я залатывал опять же в библиотеке, где можно было, помимо поэтических сборников найти и великолепные манускрипты, в коих описывались золотая пропорция и евклидова геометрия. Она увлекает меня куда больше поэзии. В соседнем зале находились труды по астрономии – науке о светилах небесных, самым частым посетителем здесь был приор Эдвард, от которого убегал в суеверном ужасе хромоножка Павел.

Я обожал Хорхе, все так же добывающему сок из бузины, по-прежнему державшему весь монастырь в своих железных руках, даровавшему мне неограниченный доступ к самым

разным текстам, трепавшему мои темные, пока не обритые тонзурным кругом волосы.

– Знаешь, почему я называюсь аббатом, Ансельмо?

– Конечно! Потому что на еврейском языке слово «аба» означает «отец», а именно это звание подходит тебе лучше других.

И Хорхе обожал меня в ответ.

Однажды на ночлег пришел пилигрим из Кампостелы, посетивший могилу Святого Иакова. Оставив в углу посох и шляпу, расшитую ракушками, паломник уселся около огня и весь вечер рассказывал о своем путешествии. Дойдя до описания замка некоего дворянина, принимавшего нашего гостя в Кастилии, путник начал в деталях описывать семейный герб, и явно что-то придумывал от себя. Цвета он называл и соединял уж совсем неподобающим образом, на этом я его и поймал.

– Не может быть! Неправильно сочетать сабль с синоплем! – выпалил вдруг я, и через секунду все обернулись в мой угол.

Я испуганно замолчал.

– Это всего лишь символ, – приор Эдвард решил меня успокоить, однако, я заметил в его глазах искорки любопытства.

– Вам ли не знать, что символ подчас бывает важнее реальности? – неожиданно меня одолело желание всеобщего внимания, щеки запылали. Братья жались друг к другу

на скамьях. – Ужели перстень понтифика, мощи святых либо печать правителя отдельно не имеют силы, равной породившим их личностям?

– С каких пор ты стал философом, Ансельмо? – голос Хорхе прогремел над залом. – А также разбираешься в геральдике и высказываешь свои домыслы перед всеми, да еще с такой важной физиономией?

– С тех пор как вы, отец, пустили меня к бесчисленным сокровищам нашей библиотеки, – парировал я.

– Прекрасно. В таком случае утром отправишься в Грабен на закупку зерна у крестьян. А приор Эдвард тебе объяснит, чем надлежит занимать мысли послушнику.

– Но Хорхе... – начал было я, пока аббат совсем не разлился:

– И не смей так обращаться! Тебе хоть что-то известно о смирении? Решил, что без пострига можешь тут заниматься чем угодно и вести себя подобно мирянину? Тогда и беги туда – прямиком в мир, на рынок, завтра же!

Место помощника библиотекаря вновь стало вакантным. А я отныне был сослан выполнять указания белокурого мага.

Приор Эдвард представлял главную загадку нашего маленького мирка. Урожденный англичанин, он звался Эдвардом Келли, и у него не было ушей. Впрочем, их отсутствие он ловко скрывал под намеренно длинными прядями своих золотых, как солнце, волос у висков. Некоторые впечатлительные считали приора колдуном, и лишь авторитет должности

ограждал Эдварда от открытых обвинений.

Однажды, когда я был еще совсем маленьким, мы собирали землянику в Черных Садах, и, в ходе какой-то игры я погнался за Эдвардом. Он добежал до сарая, и, когда я уже было настиг его, вдруг резко захлопнул дверь, прищемив мне руку. Я захныкал от боли, земляника высыпалась из бордовых пальцев, Эдвард, весь бледный от страха, отдал меня Хорхе, и тот отнес в лазарет, где перевязали руку и запретили работать несколько недель. С тех пор приор избегал меня, то ли по приказу аббата, то ли из чувства вины. Он редко ко мне обращался, редко смотрел на меня своими глубоко посаженными карими глазами, сторонился нас с Хорхе в монастырском огороде, отсаживался в трапезной и в скриптории.

И вот Эд стал моим проводником в мир земных забот. Прогуливаясь вдоль торговых рядов, мы во все глаза таращились на великое разнообразие товаров: тут были и орудия труда – колуны, буравы, серпы, и шкуры с кожами, и сафьяновые изделия, и ткани на любой вкус, от полушерстяного грубого тиртена до роскошного тонкого сукна. Еще здесь торговали мебелью, продуктами и скотом.

Спустившись к рынку, приор оставил меня смотреть ярмарочное выступление тюрлепенов – злых шутников, которые не очень-то смешили, и велел никуда не ходить, а сам отправился на закупку. Вот и сейчас он попытался от меня избавиться как обычно. Прошло около часа, я неотрывно следил за солнечными часами на башенной стене. Эдвард вер-

нулся, весело напевая, и подарил мне игрушечную свистульку-куропатку из терракоты.

С тех пор мы ходили вниз каждую неделю и все неизменно повторялось.

В конечном итоге стало ужасно любопытно, куда же удаляется приор. Следуя за ним на безопасном расстоянии по узким грязным улочкам, вдоль забавных покосившихся домов на деревянном каркасе, заполненным чем-то наподобие кирпича, увидел, как мой наставник скрылся в полуразваленной пристройке к какому-то совсем обветшалому жилищу с закрытыми ставнями.

Я поинтересовался у проходившего мимо мужика, что это за здание. Тот смерил меня подозрительным взглядом.

– Бордель, брат. Не положено тебе, да и рановато еще...

Но я, получив ответ на главный вопрос и стараясь точно запомнить незнакомое слово, уже торопился обратно на площадь, чтобы Эдвард ненароком не заметил моего отсутствия.

– Что такое бордель? – спросил я после этого отца-настоятеля.

Больше в Грабен не спускались ни я, ни приор.

Мне шел десятый или одиннадцатый год, когда Хорхе вызвали по делам в другой город. Собираясь в долгую дорогу, он никак не мог отделаться от меня, цепляющегося за полы его черной рясы и умоляющего взять с собой. Наконец, Хорхе сдался. Он усадил меня в повозку и мы вдвоем отправились в Шартр.

Глава 2. Шартр

Скрипела повозка, вздыхала кручением колес, мы с Хорхе ехали и ехали на юго-запад, и ехали, и ехали, и дышали усталыми полями, ссохшимися колосьями. Ледяная вода из ручья в ладони, раскрытые ковшом молитвы, серебряный лед в полное дорожной пыли горло. Отец несколько раз проезжает нужный поворот к реке, хотя, по его словам, когда-то знал тут каждое дерево. Мы сбиваемся с пути и останавливаемся у горного ручья на отдых.

– Глаза совсем не те, что раньше, – жалуется Хорхе, набирая воду про запас.

Поплутав немного, мы выходим на нужную дорогу. Второй и последний раз спешиваемся у реки.

Завидев еще издалека Шартрский собор, я обомлел.

Ничего подобного раньше не доводилось видеть. Изящный, легкий, и в то же время запредельно высокий, собор казался стрелой, направленной прямиком в небо. Фасад, украшенный скульптурами, был словно сдавлен с двух сторон крепкими массивными башнями, покрытыми тончайшими стрельчатыми шатрами. Величавый, благородный и невыносимо прекрасный – вот каким он был, подлинный Дом Бога.

– Что это? – дернул я рукав Хорхе.

– Он красавец, не зря про него столько говорят, – сощурился аббат, глядя на величественное здание. – Страшный

случился пожар, от старой церкви сохранились разве что крипта с фасадом. И тех бы не осталось, если бы Священная Плащаница Девы Марии...

– Она хранится здесь?

– Именно, Ансельмо! Что и спасло дом божий. Заново отстроили на одни пожертвования. Говорят, жители сами доставляли камень из окрестных каменоломен...

Впервые мне было не до Хорхе.

Насколько внушительным был собор, настолько же он воспринимался совершенно нематериальным, оторванным от брэнного мира, от погрязших в грехе людей. Все его пространство стремилось вверх так истово, будто земная жизнь настолько опротивела собору, отчего он и решил нас всем с ней распрощаться, сосредоточившись на одном только небе.

Квадривиум, который извечно несправедливо был на вторых ролях моего быта, с его геометрическими и арифметическими причудливыми положениями, весь был воплощен в этом соборе. Божественный порядок им олицетворялся. Священные тайны в нем хранились. Душа воспаряла ввысь вслед за движением глаз. Он был Вселенной, он был всем. Он был одной доминирующей над всем миром линией – великой и благородной – вертикалью.

Он мог меня поцарапать, или ранить, или проткнуть.

И он уколол меня в самое сердце – с того момента я точно знал, что никогда не буду монахом.

* * *

Недостижимое небо, любой ценой отчаянно стремлюсь я к тебе.

Вырастая на земле, лишь в небе начинаю я настоящую жизнь, я выгляжу трагическим в своем порыве, я кажусь по-этом во власти вдохновения, я откидываю реальность, которую ненавижу, и вижу – сам себя! – высоким и прекрасным домом Бога.

* * *

В монастырь я приехал совсем одержимым этим собором. А недоброй безлунной ночью приора Эда, наконец, застали врасплох. Я выследил его в Черных Садах, посыпающего золой шерстяные клубки и топтавшего распятие ногами. Перебарывая страх и отвращение, я решил постараться, в свою очередь, своим уже в достаточной мере низким и огрубевшим голосом еще больше напугать богохульника:

– Эдвард Келли, ты вызываешь дьявола?

Наверное, в тот миг он принял эти слова за приветствие самого Сатаны. Как бы то ни было, обернувшись и разглядев в темноте меня, смертельно белое его лицо исказилось безмерной яростью и злобой, а осознание собственного поражения и, учитывая мою близость к Хорхе, очень вероятного разоблачения, заставило вновь повесить крест себе на шею,

сделать несколько шагов навстречу и с видом глубочайшего раскаяния изречь:

– Что мне сделать, чтобы мы оба это забыли?

Лживые карие глазки испуганно бегали, избегая моего взгляда, ледяного и надменного. Никогда еще доселе мне не выпадало столько власти. Теперь я мог сотворить с хитрецом что угодно. Но влекло меня лишь одно.

– Приведи того, кто может научить строить.

* * *

– Я вызвал мастера восстановить западную часть храмины, – объявил Эдвард Хорхе сразу после общей молитвы в первом часу.

Оба старших монаха перевели взгляды на меня.

– Что стряслось? – я притворился незнающим.

– Подготовь ему покои и обеспечь прием! – приказал аббат и, подавив смешок, добавил, – только не позволяй перепутать сабель с синоплем!

* * *

Один бок храмины ошетинился деревяшками и лесенками. Наматывая круги по монастырскому двору, я тщетно пытался якобы случайно столкнуться с архитектором и отвести его в покои, но тот с момента прибытия сразу же с головой ушел в работу, рассматривая стену и производя какие-то

расчеты, и никого к себе не подпускал. Тогда я решил взять его измором.

– Господин! Ваше имя Мило и вы будете работать с нашим домом? – сложив ладони у рта, я громко звал мужчину, забравшегося на строительные леса и внимательно изучающего оттуда стены.

– Да, братец, а ты кто? – он заметил меня внизу.

– Ансельм, послушник, – набрав побольше воздуха, я задрал голову еще выше и изо всех сил прокричал. – Почему у собора в Шартре такие высокие своды?

Мужчина был удивлен столь необычному вопросу и соизволил спуститься с лесов. На земле остался его узел с инструментами. Я впился в них глазами, хотя даже не знал названий.

– Такие своды, дружок, возникают за счет использования аркбутанов, опирающихся на контрфорсы.

– Контр... форсы, – нараспев повторил я.

– Держу пари, что его арки выглядят легче ваших. Но структурно они куда прочнее.

– За счёт чего?

– Блоки в верхушке давят друг на друга, внутрь. А не вниз. Наша беседа перестала складываться, едва начавшись.

– Я ничего не понимаю, Мило.

Тот пожал плечами:

– Вот уж непонятно, зачем оно тебе случилось.

– За тем, что я не хочу быть монахом. А хочу быть вами.

Мастер поджал губы и ушел развязывать свой узел. Я остался на месте. Вернувшись, он вручил мне какой-то прибор, состоявших из двух заостренных палочек, скрепленных наверху, и ровно загнутую железку. Довольный своей примитивной шуткой, Мило отошел назад и хлопнул в ладоши.

– Готово! Теперь ты стал мной. Можешь идти дальше молиться.

Я вскинул руки:

– Что это за штуковины?

– Циркуль и наугольник.

* * *

Циркуль и наугольник.

Циркуль и наугольник.

Циркуль и наугольник.

На пути в дортуар мне встретился Эд. Ломающимся выгласом я воскликнул:

– Благослови Господь тебя, приор Эдвард!

– Ты чего? – отшатнулся он.

– Нет, серьезно! Ты привел к нам этого строителя. Не могу поверить, Эд, спасибо, Эд, я всем теперь тебе обязан.

* * *

– Использовать заданную пропорцию – главное правило при постройке церковей малого размера, – Мило начал вво-

дить меня в тонкости ремесла. – Где толщина стен должна соответствовать ширине внутреннего пространства в определенной пропорции. Понимаешь?

Я замотал головой.

Зодчий вывел меня во двор и попросил нарисовать на земле квадрат:

– Представь себе, что квадрат находится внутри церковного нефа, и прими его за единицу. А теперь обведи его кругом.

Мы по часовой стрелке обошли квадрат, рисуя плавную линию длиной палкой.

– Вот, – поднял указательный палец мастер. – Самый широкий участок круга вне квадрата определит толщину стен.

И провел от четырех точек прерывистые черты, обозначающие будущий силуэт здания.

Совсем иными глазами смотрел я теперь на наше аббатство. Здесь тоже хватало красоты: капители украшали фигурки людей и животных, изображения Пороков и Добродетелей, а на колоннах были вырезаны спирали, зигзаги и другие геометрические узоры. Но слишком уж все было основательно, глухо, тяжело. От этой прочности я задыхался.

Казаться легче остальных, но быть структурно прочнее, словно арка в Шартре – вот была главнейшая отныне цель.

Мило учит

Раньше вся тяжесть приходилась на стены. Они должны были оставаться толстыми и тяжелыми, с маленькими окошечками. Расширить строение казалось невозможным: боковой распор каменных сводов, давящих на стены, и длина установленных в перекрытии бревен не позволяли это сделать. В храме становилось все более тесно, места не хватало, и тогда архитекторы увидели решение в использовании крестового свода – тяжесть со стен переместилась на боковые опоры. Но требовалось еще и уменьшить вес свода.

Нервюры («ребра» или «жилки») – каркасные арки на пересечениях крестовых сводов, связывающие опоры нефов. В плане соборов каждый большой квадрат главного нефа нес два боковых, меньших размером. Стены еще ощутимее избавлялись от тяжести: тем легче давление жало на стены и опоры, чем выше и острее была арка.

Контрфорсы («противосилы») – наружные опоры, находящиеся вне храма. Именно они незримо для всех держали на себе страшный вес свода. Именно благодаря им собор поднимался вверх на невероятную высоту.

Аркбутаны связывали контрфорсы снаружи со сводами внутри. Эти наклонные арки придавали постройке изящный, невесомый вид. Ощущение общей изящности дополня-

лось **пинаклями** – изысканно украшенными башенками, установленными на вершинах контрфорсов, чтобы покрепче прижать великанов к земле, зафиксировать их в стабильном состоянии. А **оживами** звали две полуциркульные диагональные арки, составляющие неперемнную часть конструкции каркасного свода, наравне с четырьмя стрельчатыми арками.

Таким образом, выкладка крестового свода удалась применением нервюр, а устойчивость здания обеспечивали аркбутаны. Стены, окончательно освободившись от нагрузки, украсились огромными цветными стеклами-витражами. Соборы стали невероятно высокими и ослепительно светлыми.

Мило посвящал во все аспекты дела. Он говорил, что в наше время кладут камень на малом количестве раствора. Раньше же между блоков чего только не мешали. Например, римляне использовали известковые растворы с добавкой измельченных вулканических пород. Или рассказывал о том, что на севере мало камня, поэтому строить удобно из кирпича. Раньше кирпичи были большими и тонкими, а сейчас стали очень крупными и имеют по несколько отверстий для облегчения обжига.

Чертежи Мило хранил на деревянных дощечках-диптихах, покрытых воском. Вощенные поверхности накладывались одна на другую, а сами доски были крепко связаны.

На монастырский пергамент я скрупулёзно копировал схемы столбов-опор, окон, рисунки требуемых для обтесывания профилей камня.

Утолив первичную жажду познания, ум требовал разгадать занимавшую все свободное время загадку.

– Но в Шартре все отличается от общепринятого!

Мило сел на землю рядом со мной.

– Подумай. Что выражает собой ваш дом?

– Крепость. Надежность. Уверенность.

– Хорошо. А что выражает Шартрский собор?

– Вызов и взлет! Но очень... нервный вызов и взлет!

Мило задумчиво на меня посмотрел.

– И для чего же он взлетает?

Спустя несколько мгновений я смог сформулировать мысль:

– Чтобы превратить все материальное в духовную невесомость.

– Выразись проще.

– Чтобы разрушить реальность и прорваться за грань.

– Куда?

Я вспомнил Хорхе, превращающего ладонь во взлетающую птицу.

– В небо.

– Зачем?

– К свету!

Вместе с Мило нам удалось нарисовать план собора

в Шартре. Уже усвоив чужую лексику, я подытожил, что здание являет собой крест с трехнефным трансептом и деамбулаторием в вершине этого креста. «Запиши себе, что собран он, вероятнее всего, из прочного песчаника», – подумав, добавил архитектор.

– А шпиль, из чего сделана эта громадная игла? – сей вопрос терзал сильнее остальных.

– Дерево, покрытое свинцом, – пожал плечами мой наставник. – По крайней мере, я так думаю... Запомни главное – каменный свод. Лет двести-триста назад своды церквей не были полностью из камня, их мешали из песка, извести и каменной крошки, как в вашем здании, например. Но теперь камень вытесняет все остальное, холодный и крепкий, за ним будущее.

Окончив работы с храминой, Мило собирал свои вещи. Он оставил некоторые инструменты и чертежи. Сидя в общей трапезной, напоследок архитектор дал совет.

– Иди и учись строить. Руками. Внизу в деревне есть каменщики?

Эдвард ответил вместо меня:

– Да, я знаю Жана, он построил дома половине местных, – приор подмигнул. – Познакомлю тебя с ним, когда пойдем вниз.

Я сразу сник:

– Из-за твоих шлях Хорхе больше никогда не отпустит нас в Грабен.

– Доверься мне, – уверенность Эдварда была непоколебима.

Через несколько дней я негласно приобщился к ученикам Жана Строителя. Под ногтями каллиграфа появилась грязь. С самого начала решил пойти напролом и заняться непосредственно «душой камня», для чего добровольно вызвался помогать каменотесам. На месте добычи я оболванивал и частично обтесывал глыбу, осуществляя первую обработку. Тонкая обработка проводилась позже, в специальных мастерских, и уже оттуда в телегах камень ехал к месту стройки, где Жан и команда его подмастерьев окончательно обтесывали его в сараях и навесах для склада материалов.

Целыми днями я торчал с Жаном на стройках, и постепенно инструменты стали продолжением моих пальцев. Еще с каменотесами стал использовать наугольник для придания камню формы. Теперь же обзавелся водовиком – им проверял горизонтальное положение, и отвесом для определения направления по вертикали.

Вернувшись на гору и отстояв повечерие, я поднимался в келью к Хорхе, всегда такую просторную и холодную, и читал ему на ночь Евангелие или сочинения блаженного Августина. Отец уже с трудом мог читать самостоятельно, так как его зрение неумолимо гасло. Сам он все ужаснее худел, и я старался развлечь его как мог. Придумывал новые иллюстрации к книгам, для копирования которых мне едва удалось найти время. На Пасху вырезал статую Богоматери

и подарил ее Хорхе. Уговорив троих братьев мне помочь, я сумел даже возвести ряд симпатичных колоннет у нас в монастыре, облагородив двери, окна и более крупные колонны.

Спустя пару лет я умел практически все. Но «Шартрская тоска», как сам ее называл, никак не хотела утихомириться. Система легких и изящных аркбутанов, нарисованная Мило, не выходила из головы. Камень в моих руках изображал что угодно, но вместе с тем, не выражал ничего. Означало ли это то, что я слишком мало усилий прикладывал?

– Как тебе удалось убедить Хорхе отпустить меня к Жанну? – как-то раз спросил я приора.

– В ту ночь я читал ему Второе послание к Фессалоникийцам святого апостола Павла.

До меня стало доходить:

– «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»?

– Именно. А потом намекнул, что тебе пора подыскивать себе профессию, раз уж отец не хочет видеть тебя среди братьев.

Вот это было слишком неожиданно:

– Он не хочет, чтобы я здесь оставался? Но он же так любит меня!

Приор махнул рукой: «забудь» и удалился.

Сам я давно готовился к тому, что рано или поздно предстоит покинуть монастырь, но не мог поверить в то, что настоятель все решил загодя. Обидевшись на отца, никак не мог объяснить ход его мыслей и в итоге просто воспринял

слова буквально. И тогда я решил перестать есть.

Глава 3. Gula¹

В конце концов, всегда можно заморить себя голодом.

Я не знаю, куда иду, но постараюсь прийти в королевство, если смогу... Ежели хватит сил, войду туда не обычным прохожим, но предвестником новой эпохи совсем иных скульптур и построек. Буду городским зодчим необъятных королевств, в каждом доме по даме. Если только хватит сил, ведь пока я все еще тут, валяюсь на холодной мокрой земле, в размазанных слезах да соплях, в тряске и с шумом в ушах, уставился помутненным взором на кусок святого причастия, исторгнутый мною же из собственного тела вместе с желчью...

К отрочеству я вытянулся совсем уже долговязым прутом, сухопарым и черноволосым, с прозрачными серыми глазами и высокими скулами. Я до сих пор не стал монахом, и теперь уже регулярно навещался в Грабен обучаться работе по камню, которая совсем задубила пальцы, к вящему неудовольствию Хорхе. «Такой славный переписчик пропал! Знай заранее, к чему приведет та поездка в Шартр, ни за что бы не взял тебя с собой!» – пробурчал однажды он, но даже в этом мне слышался явный намек на отеческую гордость. В глубине души настоятель был рад тому, что у меня появится возможность применить свой труд в миру, а не в аббат-

¹ Лат. «Чревоугодие» – один из семи смертных грехов.

стве. Он по-прежнему упорно откладывал мой постриг, но, если это и расстраивало поначалу, теперь же я ощущал все преимущества свободы от обетов, помогая Жану Строителю сооружать дом для семьи очередного купца средней руки.

Девушка из деревенских, торговавшая птицей на рынке, куда мы отвозили овечью шерсть на продажу, апрельским утром вышагала мне навстречу:

– Тебя давно тут не было, зря я высматривала среди братьев.

На что я спросил:

– Мы все одеты одинаково, как ты могла меня отличить?

– Ты самый тощий, – девушка улыбнулась, – и самый милый.

Немногим позже, уйдя с Хорхе на рыбалку, оставил старика удить одного, а сам обогнул холм, там река делает огиб и есть тихое местечко, где, встав на валун, скинул наскоро всю одежду, бросив ее в траву на берегу и уставился в свое отражение в водной глади.

Ясной, как день, мне явилась вдруг вторая составляющая того чуда, которым был Шартрский Собор. Первым ингредиентом стало величие, и природу оно имело сугубо метафизическую. Второй же ингредиент шедевра архитектуры прямо сейчас смотрел на меня из воды.

Худоба.

«Чтобы претворить в жизнь божественный замысел, ком, к примеру, напикан храм в Шартре, необходимо, помимо усердной молитвы и непрерывного духовного совершенствования, строго ограничивать себя в трапезе, наказывая физическую сторону суровой аскезой за все присущие ей грехи». Так я письменно самовыражался на обратной стороне своего главного сокровища – детального чертежа элемента бургундской архитектуры – стрельчатой арки, оставленного мне на память Мило, окончательно заразившего тоской по стезе зодчего.

Я торопился эту мысль воплотить в жизнь.

Питаться согласно уставу можно единожды в день осенью и зимой в середине послеполуденного времени, в пост же – по окончании дня. Утренняя трапеза исключалась всегда, также воздерживались от еды по средам и пятницам, памятуя о страстях Христовых.

То было чересчур много.

Пост – не временной отрезок, но образ существования, *мой* образ жизни, пост благодатный, иные миры, ангельские царства открывающий выкатывающимся из-под посиневших век неестественно выпуклым на ссохшемся лице глазам, пост, облагораживающий облик до привлекательного противоположному полу.

Стоит лишь один день выдержать без пищи, как зрение и слух становятся острее, пение хора и молитва общины воз-

носятся напрямик к Богу, и все прощается, все начинает медленно прощаться. На второй день отказа от насыщения внутри разума зарождается *оно*, и, если *оно* поселилось в тебе, то вы больше никогда не расстанетесь, сколько бы ты ни съел и какую бы жизнь не вздумал вести в дальнейшем.

Оно — маленький божий глашатай, тот, кто проводит границу между миром людей и обителью высокодуховных существ. *Оно* навек тебя изолирует, обособит от земных мерзостей. Истинная сила духа неизменно в смирении плоти.

Ткань гретая холщовая, мое тело – пергамент, мое тело – Твой пергамент, погляди, что за сеточки несут кровь, а сердце заперто в тюрьме, в клетке из ребер, дотронься, какие они твердые и как ровнехонько торчат наружу, едва не протыкая кожу, по образу и подобию Твоему создан я, славлю тебя во веки веков, смотри, как оно гонит кровь, точно алое яблоко в моей груди, в костяной шкатулке, оно гонит кровь так, что та стучит уже наверху сторожевой башни, бьет в набат, она уже поднялась на колокольню и всех созывает обедать, так она выстукивает дробь в висках.

Мне всегда нравилось засовывать свои неугомонные пальцы куда-нибудь. Особенно себе в глотку. О, конечно же, ночью брат Мигель сказал, что даже почтенный аббат не может быть хуже меня, он так сказал, чтобы сделать меня счастливым. Я не верю, потому что он может быть в сговоре с приором, который, в свою очередь, сговорился с Хорхе, требующим «перестать превращать пост в орудие самолюбования»,

а тот, разумеется, советовался с самим Владыкой, небесными письмами напутствовавшим Хорхе заставлять меня есть. И, откуда мне знать, ведь Эдвард тоже знаком с деревенской торговкой, а она назвала, она, да, вот так вот! она назвала меня дураком, и позже я налил похлебки в миску, всего-ничего! эй, я вышибу вам плечи! эй, вы только посмотрите – никого нет красивее меня, девчонка смотрит на меня и мрачнеет. Она говорит, что, конечно, замечала, но теперь я уже совсем сошел с ума. А я уж запихнул эту ложку себе в рот. И мне стало так досадно, ангелы святые. Она говорит, что я дурак. И я встаю из-за стола. Тогда я делаю это впервые, где-то в октябре, а старшие монахи считают себя виноватыми, и они все начинают переглядываться. Играю снова. С Хорхе, разумеется, который пытается меня обмануть, я его обманываю в ответ, придумывая себе красочные обеды на стройках Грабена.

На стройках Грабена я пью миндальное молоко и наполняюсь светом, подобно высокому прозрачному собору. Пока те, слабые духом, молча жуют в трапезной, слушая чтение.

Я принял тяжкое решение свести к нулю свою жизнь во имя чего-то действительно достойного. Пока не появилась конкретная идея, хотя бы точно знал, каким хочу всегда быть. И решил перестать есть. На этом пути пришлось обучиться массе хитростей – например, под видом срочной работы у Жана убегать с обеда, прятать еду в рукава, чтобы потом отдавать ее попрошайкам, и, при самом худшем исходе,

выплевывать пищу в отхожем месте, когда никто этого не заметит, кроме Хорхе, обнимавшего меня каждый раз перед сном и в такие моменты морщившегося: «Святые угодники, чем от тебя так воняет, Ансельмо?»»

Сон исчез туда же, куда и голод. Вставая перед всеобщей, я преодолевал головокружение, боль в скрипящих костях и ноющих суставах меня, пятнадцатилетнего, и именно в эти моменты чувствовал себя настоящим мужчиной, великомучеником, будущим гением. Я ощущал себя не меньше чем сыном Иисуса Христа.

Девушка на рынке должна была отметить перемены, произошедшие с моим обликом, постепенно выстругиваемым по образу и подобию Твоему, Господи. Когда я подошел к ней поздороваться, она, не произнеся ни слова, насыпала мне в руку горсть орехов. Позволив себе съесть два по дороге на гору, я вынул изо рта закатившийся под язык зуб. Выпавший коренной зуб меня, пятнадцатилетнего, гляди, мой Боже, сколь утонченный аскет вырастает из этого грубого полена, из этого еще недавно мерзкого сытого тела.

Приняв причастие, однажды умудряюсь доцарапать горло так, что кусок облатки выскакивает в дождевую грязь и глину, покуда меня одолевают судороги. Приор Эдвард, этот неразоблаченный мистик, обеспокоенный тем, что я таю у них на глазах вот уже столько месяцев, приказывает малявке Мигелю выследить меня, и вот уже весь монастырь сбивается подле нужника засвидетельствовать мой позор, мою

заплеванную тощую мордочку, мои дырявые ногти и, как венец, непереваренную нагую плоть Спасителя на раскисшей от ливня жиже прямо у них под ногами.

Хорхе, злой, разгневанный, склоняется надо мной. Он рывкает в мое перекошенное от ужаса лицо:

– И что, теперь ты чувствуешь себя сыном Иисуса? Теперь ты чувствуешь себя мужчиной?

Отец рывком поднимает меня с колен и велит идти в дортуйар. Братья осуждают. Ребята, вы мне не поможете больше, идите гуляйте дальше. Если они решат запереть меня здесь, я больше никогда не смогу строить, покрывать крышу, класть стену, вырезать фигурки. Они решат переломить меня о колено, легче легкого, о любое, даже самое слабое колено, и я рассыплюсь живьем. Но задумай они сломить мою волю, ничего не выйдет. В конце концов, всегда можно заморить себя голодом. Белое, Господи, до чего же все белое, и свет, всюду свет, слышишь, как мое сердце освобождается из телесной клетки и улетает навсегда, все вокруг становится белого цвета. Очертания исчезают, и я теряю сознание, напоследок ухватившись за ветку, за чью-то мантию, за воздух. И хвала Богу, я уже почти что мертв, и хвала вашему Богу за то, что мне не страшно, и хвала Богу, что мне все равно.

Я выверну себя наизнанку, только бы они все обратили на меня внимание.

* * *

Хорхе старел. Иногда его укладывали лечиться на несколько недель, и давали в пищу птицу (еще один повод повидаться с девушкой на рынке). Он уже не выдерживал посты.

Я читал ему, сидя рядом в лазарете, пока он перебирал четки. Говорят, там, в городе, далеко от нас, резчики четок из кораллов учились у мастера целых двенадцать лет своему ремеслу... А есть другие города, и есть город Париж, а за ним – Сен-Дени с его королевской усыпальницей. Сюжер, их аббат, первым задумал соорудить здание наподобие Шартрского собора, объединил традиции Бургундии (стрельчатые арки) и Нормандии (реберный каркас). Мило рассказывал, что Сюжера вдохновил Иерусалим – место божественного света, столько же света он хотел подарить обычной каменной постройке. Для этого нужно было придумать, как сделать свод высоким, а вместо стен устроить огромные окна. «*Dilectio decoris domus Dei*»² – так говорил Сюжер о Сен-Дени. Не веря до конца в подобные сказки, я спросил у Мило, кем они были, тот Сюжер и его братья. Тоже бенедиктинцы, как и вы, ответил мастер...

Хорхе прервал мои размышления:

– Теперь ты хорошо питаешься?

– Еще бы! Даже украл кусок жареной утки, полагавшийся тебе по состоянию здоровья! Отец, – я наклонился и обнял

² Лат. «Любовь к красоте Божьего дома».

его, – что мне тебе еще сделать?

– Ora et labora.³

– Только этим и занимаюсь! Хорхе... тебе ведь не нравится, что я строю, да?

Откинувшись назад, отец долго молчал, после чего тихим голосом произнес:

– Делай что хочешь. Только хотя бы изредка ешь, прошу тебя.

³ Лат. «Молись и работай», девиз бенедиктинцев.

Глава 4. Хорхе

Тряпка на полу оказалась мертвецом. В темноте овечка обернулась волком. Мы найдем его только к утру, уже оконченного насовсем.

Всю ночь я работал в скриптории, пытаюсь за пару часов переписать то, что задолжал за неделю висения вниз головой на стройках Грабена. Буквы выплясывались уродливые, неаккуратные из перемазанных чернилами разбитых пальцев, ковырявших целую неделю каркасы будущих зданий, булыжники и черепицу. Шаги зашлепали у входа в скрипторий, я инстинктивно обернулся. Концентрируя зрение на стволах колонн, отметил, как применение темного мрамора усиливает эффект орнамента. Тут некого было бояться, за этими колоннами. Не спалось, за исключением меня, одному лишь брату Мигелю, мелкому и конопатому, лоб его горел, волосы взъерошились, торчали в разные стороны.

– Ты болен? – я успел подхватить Мигеля за локоть, прежде чем он упал на скамью рядом.

– Нет... Шел на кухню за водой, и увидел здесь свет, а потом и тебя, – ответил он, с трудом переводя сбивчатое, неровное дыхание.

– А мне показалось уже, что у тебя жар.

Монах потупился.

– Ансельм, что доставляет тебе самое сильное наслажде-

ние?

Миг я колебался. Пока правда сама не выгромоздилась в голове последним рубежом, отделяющим меня от всего вокруг – скриптория, братии, текстов, литургий. И я смог ее выплюнуть в мир, совершенно четко оформившуюся:

– Работа с камнем.

Мигеля мой ответ явно разочаровал. Он возвратился спать, так и не набрав воды на кухне. Там он окажется только к утру, когда я, сызнова нарушая устав, запрещающий проводить ночь за стенами монастыря, перемахну через стену и под солнцем сезонов буду контролировать подъем материала на постройку «волчьей лапой» или «волком» – особыми щипцами, оставляющими в камне кусучие следы.

Незадолго до этого, первого мая несколько мужчин, представлявших купечество, захотели обсудить с Хорхе предстоящую ярмарку. Она проходила на территории аббатства, и нам полагалась за нее определенная пошлина. Однако отец слишком ослаб, его состояние так и не улучшилось с приходом весны, поэтому распределять торговые места и решать все остальные вопросы по ярмарке поручили приору.

По дороге домой я увижу будущие прилавки. Эдвард обладал хитрым, прозорливым умом и коммерческой жилкой, поэтому торговать собирались всем, чего душа пожелает. Купцы развяжут тут свои тюки со шкурками, беличьими, кроличьими, кошачьими, рыжими и серыми. Рыбники разложат уловы: усачей, осетров, миног с алозами. Привезут

и что попроще – вафли да пироги, каштаны и инжир, масло, кислый виноградный сок, куропаток и каплунов, сорта всех вин.

По дороге домой я опять увижу Мигеля, бегущего с горы, снова растрепанного, перевозбужденного, заплаканного. И он хлопнется на мою грудь, я оттяну его и рассмотрю мелкие страдальческие гримасы, исказившие пухлое лицо, и проведу по переносице, и спрошу нарочито суровым тоном, голосом, становящимся с каждым днем все ниже и ниже:

– Что случилось?

Мигель поднимет на меня свои закутанные пеленой слез глаза и скажет другую оформившуюся камнем правду:

– Аббат умер.

* * *

Когда-то на этом же месте мы играли в «раз-два-три-побежали-ка-с-горы!», и он, выстилая листьями дно корзины для ягод, мог раздавить меня одним движением, как букашку, об имени которой сообщал. Пчела зовется пчелой и ее труд в меде да воске, в дальних краях мошкара может облепить всю руку, изжалить ее, там бывает нестерпимо жарко. Малина, голубика, бесконечные заросли черемухи, в которых я от него прятался, когда он мог так легко меня уничтожить. Но он рассказывал о пасечниках, об урожае, о ко-

ролях, об архангелах, о пахоте, об Аристотеле, об осушении болот, о ростовщиках, о Боге, который тоже в любой момент смог бы меня раздавить одним жестом. Если бы отец позволил это.

Вместо этого он сажал меня на плечо, катал в тележке, учил управлять повозкой. Был счастлив, когда я стал осваивать язык, и никогда не принимал всерьез зодческие стремления. Для работы в скриптории нужна зоркость, которая коптится свечами, стачивается о буквы, тупится об углы пергаменты. И он мешал морковь с чесноком для цепкого глаза переписчика книг, и мы с ним ели это, и умели смотреть в самую глубь текста.

Потом я креп, костенел, брал не перо, а циркуль, брал кирпич, брал кирку, подчинял себе материю, и нужно было ждать, пока отец отдышится, когда мы теперь уже изредка ходили за водой вместе, и у него оставалось все меньше сил. Хорхе потерял сознание и упал на каменные плиты.

Тряпка на полу оказалась мертвецом – а эти олухи боялись пропустить служение.

* * *

Что знал я о Хорхе? Он приехал в наши края из Бургоса, однако испанского в нем было разве что имя. В бытность свою маленьким мальчиком тяжелее всех в семье переносил голод, из-за которого даже не мог уснуть. Когда-то Хорхе был

черноволосым, а потом я помнил его только седым.

На один день тело выставили в церкви, чтобы все смогли попрощаться. После, на кладбище, мы сможем найти его последнее пристанище по высаженным тисам. Высокие деревья издревле указывали место захоронения, даже если святилище рядом было разрушено. Высота всегда визуальна и благородна, взлетает в небо вслед за жестом отца.

Хорхе уходит в могилу в своей черной рясе, забирая теперь уже навсегда тайну моего происхождения. Худой Хорхе Бургосский, слепец, настоятель, мой любимый отец, суровый аббат, железная дисциплина, голодарь, правитель общины и гроза братии, виноградарь, Хорхе-костлявая рука, Хорхе-стеклянные глаза, наш бессменный глава уходил в могильную яму, и нам оставалось лишь молиться за его душу.

Все ангелы и все волшебники, добрые и злые, зажигали свечи в память о Хорхе, пока я едва держался на ногах в этих кошмарных проводах, а потом полз, полз, распластавшись вертикально по сырой стене, и карабкался вверх, и в итоге дополз до кельи Эда, где проревел всю ночь в его соломенные волосы, свалявшиеся, мокрые, облепившие напряженную голову, которая, тоже бессонная, теперь судорожно прочитывала варианты собственного возвышения в сани.

Если снова наткнушь на перевозбужденного Мигеля в скриптории, то не убегу в Грабен, а обману время, и Хорхе будет вновь живой. Но время невозможно обмануть. Оно, как и пространство, было непрерывно. Оно принадлежало

одному лишь Богу, а значит, могло быть только пережито.

* * *

Я похоронил отца – дальше взростеть было некуда.

Приор вызвал на разговор. Не иначе как поквитаться за сорванный когда-то магический ритуал. Перекрестившись и глубоко вздохнув, я зашел к нему в келью.

– Когда стану аббатом, – начал Эдвард так, словно это был уже решенный вопрос, – то первым делом займусь твоим постригом.

– Но тогда мне придется покинуть монастырь...

– Именно поэтому я так спешу, – приор быстро выглянул в коридор, убеждаясь, что нас никто не слышит. – Чтобы ты не сгнил в этих стенах, как я.

Мой безухий благодетель, как всегда, подстроил все так, что судьба вывела меня на путь истинный. Все складывалось само собой, и, блуждая по лабиринту богоугодной жизни, я вновь выталкивался, выплевывался, выкидывался вон, в безумный мир людских амбиций и грехов, крепко сжимая с руках циркуль и наугольник.

– Эй, Ансельм! – окликнул меня приор, когда я был уже в дверях. – Держи!

Он бросил мне кожаный мешочек, туго набитый золотыми монетами. Поймав его и спрятав за пазухой, я спросил:

– Что это?

– Привет от Хорхе.

* * *

Сразу после заутрени, на заре, попросил привратника выпустить меня из монастыря.

– Снова в Грабен? Сколько можно туда бегать?

– Больше нет. Я уйду в Город. Говорят, там есть цех каменщиков и скульпторов...

– Насовсем?

В ответ я лишь кивнул.

– Ты даже не попрощаешься с братьями?

– Но я ведь даже не попрощался с Хорхе, – едва удалось сдержаться и не расплакаться вновь.

Мальчик замер.

– Ты правда будешь строить дома и замки?

– Если позволят, – я незаметно проверил, на месте ли деньги, нащупав кошель у пояса.

– Бог в помощь, Ансельм. Бог в помощь! – крикнул привратник, закрывая за мной ворота аббатства.

Я побежал вниз. Раз, два, три, побежали-ка с горы!

* * *

Попросил девушку с рынка раздобыть одежду мирян. Пока скрывался в птичнике ее родителей, она, не экономя мое «наследство», приобрела то, что носят порядочные юноши,

не посвятившие себя Богу.

Одежда для Ансельма

Камизу пошили из льна, это была просторно висящая на моем худощавом теле рубаха, с широкой горловиной и вырезом снизу, облегчавшим шаг. Затем шел котт – туника длиной до колен или ниже. Он был сделан из тонкого шерстяного сукна и выкрашен в красный. Котт покрывал ноги до лодыжек. Поверх всего перечисленного полагалось надевать сюрко – длинную робу без рукавов, моего любимого яркого синего цвета для пущего контраста с коттом. Вместо стоптанных сандалий я обул удобные и мягкие, покрытые вышивкой кожаные туфли с заостренными носами. Наконец, завершал образ горожанина светлый чепец с завязками по бокам.

Осталось скинуть монастырское облачение и оставить его на полу пройденным этапом, прошлой эрой, перевернутой страницей. Мне стало неловко перед девушкой.

– Отвернись.

– Зачем? – ее моя просьба явно позабавила.

– Потому что я не могу...

Девушка подошла ближе, и, проведя рукой по шее, схватила за капюшон.

– Разве тебе кто-то сейчас может запретить? Ваш старый

придурок аббат откинулся, больше тебе никто не указ.

У меня зазвенело в ушах.

– Что?... Как ты назвала Хорхе?

Стук сердца глухо отзывался внутри головы. Внезапно мне захотелось убить сволочь. Пока никого рядом, схватить, задушить. Как она могла такое произнести?!? Весь ли мир полон подобных людей, низких нравов, ни чести ни совести? И как я мог им всем противостоять? Стараясь не соприкасаться без надобности?

Одно и то же действие пришлось повторить дважды за день. Высвободившись из объятий богомерзкой торговки, я вышел из птичника и молча покинул ее двор. Молча покинул Грабен.

Господь уберег от искушения. Счастье не целовать ее розовое лицо. Счастье ей не принадлежать.

Наверху наверняка уже собирались на вечерний молебен. Господь миловал! Ненавижу, ненавижу это бессмысленное сборище потерянных людей!

Счастье добровольно не петь с ними. Счастье не быть с ними больше никогда, и счастье таким решением не расстраивать отца. Их распечальнейший хор звучал фальшивкой, напускной и пустой, но зато абсолютно канонической частью службы. Мой же одинокий траур по Хорхе был пешим шагом по пыльной дороге в Большой Город. Через скольких судейских, лесников, прево и дорожных смотрителей мне придется протащить твой последний подарок?

На кого ты оставил меня, Хорхе, почему не дождался? Худшее, что можно было сделать – это укладывать черепицу с утра пораньше, когда отец покидал нас. Нет, надо было молиться, думать о высшей справедливости, помогать по хозяйству келарю, но только не заниматься своим делом! Ничего никогда не выйдет, всё не вовремя; я торопился вырваться вон отсюда, подальше от Грабена, от аббатства, от самого себя. Не суди меня так строго, отче. В чем ты весь перемазался? Строительный раствор, Хорхе произносит слово как «развор». Вечно всюду твой развор на исподнем даже. Стыдоба, да и только.

Вечер обволакивал долину. Я уходил в Город. А куда ушел Хорхе?

О, мне не хотелось этого знать.

Дубы разложились широкими листьями, хвастаются, шипят ими на ветру вдоль дубовых рощ – *сссссс, сссстой!* Они говорят «стой», «страх», «странный», «оса». Сейчас как укусит. И все крутится, крутится, крутится, великое подвечерье на годовом колесе. Хорхе на огороде, монастырские грядки. Страшный сгоревший дом – помнишь? Всегда ускоряешь шаг, проходя мимо него, когда поднимаешься на гору, в лес, к роднику за водой. Не тяни так сильно поводья, Ансельмо. Ешь как следует, Ансельмо. Запрягай. Тащи к алтарю. Ставь скамейки. Бестолочь, бегом к келарю. Ну-ка, быстро, а ну, кому я говорю. Стой, страх, странный, оса – хвать тебя за волоса! И в высоком окне – помаши на прощание мне.

Деревья спрашивали – странный мальчик, куда ты уходишь?

И я им отвечал:

«Мне нужно,

Мне серьезно нужно,

Мне по правде нужно

Уйти».

Глава 5. Хлеб

Меня хватали дворы худыми руками, просящими милостыню, проворными руками хватали дамы в тяжелых платьях и развеселые рьяные девки в румянах, слюнявили губы, меня нанимали на службу знатные господа сооружать могучие замки – мерило их жалкого тщеславия, громким хлопаньем меня хватали скрипучие двери темных исповедален и манили вырытые пустые глазницы могил: но я продолжал смотреть не вниз, а вверх.

Город всегда порочен.

Замкнутый в кольцо своих стен, испещренный узкими улицами, где многоэтажные дома жали и давили друг друга со всех сторон, вываливаясь яркими фасадами наружу, в просветах между жилищами ютились клочки огородов и садов. Город не смел выползать за свои тесные крепостно-стенные рамки.

Город был городом. Здесь жили люди, они жрали мясо, пили разбавленное пиво, стучали в споре кулаком по трактирскому столу, участвовали в гуляньях на площади, без усталости играли в кости, в таблички, вырезанные из дерева или слоновой кости, выкладываемые на беллан. Мне, игравшему до этого с братьями разве что в лапту или мяч, было невероятно созерцать целый универсум, сотворенный из азарта, денег и еды. Свиные туши крутились на вертеле, жир шипел,

скворчал, в Городе у всех на все текли слюни.

«Подайте хлеба для слепых с Гнилого Поля!», «Подайте хлеба для прокаженных с Цветущего Поля!» – Город выклянчивал, просил, Город всегда испытывал голод.

Теперь голодовка превратилась в символ борьбы с новым укладом жизни. А случись обильный ужин, постоянно опрокидывал в себя несколько ковшей воды, чтобы после вызвать рвоту. Девушки не интересовали меня, ведь любая могла обзвать Хорхе старым придурком. Интерес к чувственным утехам, как бы ярко не возгорался, все же никогда не мог одержать верх над устремленностью к духовному – настолько, насколько это вообще мог выдержать юноша моего возраста. Друзей я тоже не торопился заводить, сблизившись только с Карло – местным молодым епископом, чтобы держаться недалеко от церкви и продолжать принимать таинства.

Несколько раз в год отправлял письма в Грабенское аббатство, но ни одно из них не удостоилось ответа. В новом мире одни ремесла почитались достойнее других, а независимые трудяги могли рассчитывать только на временный заработок, поэтому я стал искать мастера.

Жан-Батист, глава строительного цеха, взял меня к себе за ту плату, что я унес из монастыря. Так как количество «внутренних», семейных учеников могло быть каким угодно, а все сыновья Жана-Батиста уже состояли у него на службе, то «со стороны» полагалось брать лишь одного учени-

ка. Чтобы пролезть в узкую лазейку, мне пришлось вытряхнуть перед хозяином все монеты, и, наконец, в присутствии двух присяжных и четырех мастеров, мы заключили договор на письме, оговаривавший сумму взноса, срок ученичества и условия моего содержания – согласно им, я буду находиться на полном обеспечении в доме учителя, получая от него одежду и пропитание, до тех пор, пока, спустя несколько лет, не стану подмастерьем.

– Есть два способа перекрытия, – начал свое обучение Жан-Батист, – с помощью плоской перемычки и изогнутой арки.

И я закатал рукава.

* * *

Люсия носила корзину с хлебом к каждой воскресной мессе и по пути обратно, проходя мимо мастерской, внимательно разглядывала меня, всегда среди первых стремившегося вернуться к работе. «Ite missa est»⁴ было для нее паролем, позволявшим бесстыже на меня пялиться.

– Кто она? – однажды поинтересовался я у Жан-Батиста.

– Люсия, дочь самого влиятельного человека в Городе. По воскресеньям она помогает бедным, принося им хлеб и одежду.

– Благотворительная девочка?

⁴ Лат. «Идите, месса окончена».

Мастер покачал головой.

– Это денежная девочка. Из тех, чьи предки двести лет назад были всего-навсего обычными, пусть и прилежными ремесленниками. Теперь они что аристократы, и, будто бы на самом деле благородные, хотят получать свою долю восхищения.

Выждав неделю, я задержался в церкви дольше положенного, обсуждая с Карло злободневные курьезы. Едва завидев Люсию, тут же вернулся на скамью и принял отстраненный вид. Посмеет ли она обеспокоить меня здесь?

Что-то уперлось в плечо – то оказалась корзина. Запах свежей выпечки сводил с ума.

– Хочешь? – Люсия протянула мне хлеб.

– *Panem nostrum quotidianum da nobis hodie?*⁵ – я отломил небольшой кусок, возвращая остальное обратно.

– Мало того, что красивый, так еще и грамотный, – она начала с лести, довольно неплохо.

Но я держался крепко:

– Молитвы все знают.

– Все знают, но не все молятся, – улыбнулась Люсия и покинула храм.

А спустя еще месяц она пришла вместе с отцом, с краснокожим грузным Обрие, к Жан-Батисту договариваться о починке их конюшни. Наступал вечер, Люсию отослали домой. Я прошмыгнул за угол дома и прибавил скорость, идя за де-

⁵ *Библ. лат.* «Хлеб наш насущный дай нам на сей день».

вушкой глухими переулками. Выбившиеся из сетки пряди волос, не перехваченные алыми лентами, не сдерживаемые вуалями, развевались в такт торопливым шагам. Но я помнил – о, я помнил! – какой пылкий взгляд она бросила перед уходом. И мне оставалось лишь не упускать ее из виду, бордовое сюрко с розами, золотые броши, каштановые волосы. Я преследовал ее вдоль пустыря, осторожно ступая по шершавой земле дальше, до самой рыночной площади, где спали башни, где спали нищие, где спали закрытые ставнями окна. Она знала, что я рядом, и намеренно замедляла шаг, одергивала ткань своих одежд, поправляла прическу. И эти мысли приводили меня в замешательство, смущали, стреляли судорогой в левую ногу, пока мы не остановились оба в предночной духоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.